

Александр Иванович Куприн

Поход

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164396

Содержание

* * *

3

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Александр Иванович Куприн Поход

* * *

Пехотный Инсарский полк выступает в ночной поход после дневки в большой деревне Погребвицах. В темноте ненастного осеннего вечера идет странная, кипучая и осторожная суতোлка. Слышно, как вдоль всей широкой и грязной деревенской улицы сотни ног тяжело, торопливо, вразброд, шлепают по лужам, раздаются сердитые, но сдержанные окрики, лязгает и звенит железо о железо. Кое-где мелькают фонари; и желтые, расплывающиеся в тумане пятна точно сами собой держатся высоко в воздухе, раскачиваясь и вздрагивая.

Солдаты собираются быстро и с охотой. Утомленные длинными переходами, оборвавшиеся, исхудалые, они рады тому, что завтра с последним корпусным маневром кончится давно надоевший лагерный сбор и полк повезут по железной дороге на зимние квартиры. Хотя днем никто не ложился, но все чувствуют себя бодро. Той озлобленной, вычурно-скверной ругани, которую только и можно услышать между матро-

сами, солдатами и арестантами, сегодня совсем не слышно.

Подпоручик Борис Владимирович Яхонтов, младший офицер седьмой роты, в первый раз участвует на больших маневрах, и они еще не утратили для него своеобразной прелести кочевой жизни. Все ему продолжает нравиться: ежедневная перемена местности, деревень, лиц и оттенков в наречиях; девки в опрятных малорусских хатах, наполненных душистым запахом чабреца и полыни, стоящих пучками за иконами; ночлеги на голой земле, под низкой, в форме карточного домика, палаткой, сквозь полотно которой нежно и неясно серебрятся звезды; здоровый аппетит на привалах под затяжным дождем, освежающим тело и заставляющим щеки приятно и сильно гореть... Предстоящий сегодня ночной переход заранее возбуждает Яхонтова своей необычностью. Идти бог знает куда, по незнакомым местам, глухой, дождливой ночью, ничего не видя ни впереди, ни рядом; идти таким образом не одному, а вместе с тысячей других людей, представляется ему чем-то серьезным, немного таинственным, даже жутким и в то же время привлекательным.

Вечером он провозился над отправкой своих вещей, опоздал в строй и теперь торопится поспеть к роте раньше, чем его отсутствие заметит ротный командир. Но найти свою роту ночью гораздо трудно, чем это казалось днем, во время пробного сбора. На пути то и дело попадаются какие-то заборы и канавы, которых днем не было; а ночь так темна, что невольно хочется закрыть глаза и идти ощупью, протянув

вперед руки, как ходят слепые.

Седьмая рота раньше других подтянулась к сборному пункту. Последние, запоздавшие люди, подоткнув полы шинелей под пояса, сбегая к строю и протискиваются в свои ряды, задевая товарищей ранцами и гремя медными баклагами о ружейные стволы. Голоса звучат глухо, безжизненно и однообразно, точно они выцвели, потеряли силу в этом осеннем дожде.

– Куда прешь? Нешто не видишь, что в чужой взвод вте-сался? Экой какой ты, братец, право, косопузый!.. Да ну, ворочайся, что ли, орясина. О, щоб тобі лысого батька, трясца твоей матери!..

– И чего ты крутишься, Сероштан? – укоризненно тонким голоском замечает унтер-офицер Соловьев неуклюжему солдату, который никак не попадет в свое место. – Чего ты все крутишься? Вертит тебя, словно навоз в проруби, а чего – неизвестно. Да обуи глаза-то, че-ерт!

Некоторые солдаты движениями плеч и локтей подкидывают на себе и поправляют удобнее ранцы, уминают складки шинелей и ту же подпоясывают ремни, помогая друг другу.

– А ну-ка, земляк, стяни мне сзади шинель! Потуже, потуже, не бойся, не лопну. Да ты коленкой-то, коленкой в спину упрись. О-о-о, так, так! Ну, вот теперь ладно. Спасибо вам, землячок!

Старый солдат, «дядька» Веденяпин, запевала и общий увеселитель, балагурит вполголоса.

– Ну, ребяташки, завтра сабаш маневрам. По-о-ехала седьмая рота по чугунке. Уу-у-ух! – протягивает он, подражая паровозу. – А какая у меня, братцы, в городе баба осталась, – сахар! Сейчас она мне это пирогов напекет, за водочкой сбегает, самоварчик взбодрит. «Пожалуйте, мол, батюшка, Фрол Иваныч, господин Сковородин, по прозванию Веденяпин... откушайте, сделайте милость!...»

– А казала хлопцы, що завтра горилку будут давать, – неожиданно произносит хриплым голосом ленивый и тупой рядовой Легкоконец.

– Горилку? – язвительно подхватывает Веденяпин. – Это, братец, у нас в Туле называется: захотела кобыла уксусу...

Немного в стороне от роты, на пригорочке стоит ротный командир, штабс-капитан Скибин. Около него горнист держит на высокой палке фонарь, который бросает на землю неровное, мутное, движущееся пятно. Василий Васильевич Скибин – мужчина высокий, костлявый, сутуловатый, длиннорукий и весь какой-то неловкий. От его наружности, от нерешительного, близорукого взгляда, от беглой улыбки, даже от шаткой, приседающей походки веет чем-то слабым, удрученным, недоброжелательным и жалким. В нем есть что-то бабье, старушечье. Говорит он тихо, мягким и сиплым, точно усталым голосом, но почти всегда вещи неприятные и злые. Всему полку известно, что его жена худая, гибкая дама, похожая на ящерицу, – вот уже четыре года как влюблена в поручика Вержбицкого, влюблена открыто, рев-

ниво и бестолково. Вероятно, благодаря этому обстоятельству Василий Васильевич с особенной нелюбовью относится к молодым офицерам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.